

Ю. В. Варфоломеев*

**МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА: СООТНОШЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
И НОВАЦИЙ В ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ**

В КАНУН ВЕСНЫ календарной, в феврале 1917 г., в России наступила политическая весна, полная либеральных надежд и смелых демократических мечтаний. «В политической и общественной жизни России это был краткий период романтизма, когда жизнь казалась прекрасной сказкой, человек видел в человеке брата, – поэтично рисовал это время Н. К. Муравьев¹, – будущее России представлялось задернутым розовой дымкой, сквозь которую виднелась широкая дорога к всеобщему счастью»². Царская монархия была сметена, и казалось, старый порядок с его законами и моралью безнадежно канул в Лету. Настроение революционного момента очень точно, хотя и с долей правового нигилизма передал поэт А. Блок: «В книжных лавках книги теперь завертывают в старые законы»³, – не то с сожалением, не то с радостью записал он 9 июля 1917 г.

Между тем, стало очевидно, что новая власть не стремилась к немедленному и коренному перевороту в отечественной правовой системе – регламентация судостроительства и судопроизводства оставалась прежней. «Февральская революция, как это ни покажется странным, не произвела кардинального переворота в судебном мире и его воззрениях, – отмечал следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда П. А. Александров. – Монархия и ее руководители сделали все, от них зависящее, чтобы исключить в нас всякое сожаление об их уходе и облегчить нам тяжелый переход от службы одному строю к такой же добросовестной службе другому. Временное правительство в этом отношении получило солидное наследство – вполне налаженный технический аппарат, готовый работать в направлении нового строя, тогда казавшийся единственно и исключительно правильным. <...> Мы знали наши законы, применение их, но не входили в оценку политической обстановки и ценности того или другого лозунга»⁴.

28 февраля 1917 г. Временный комитет Государственной Думы приступил к формированию нового правительства и 2 марта его состав был уже одобрен. Ми-

* Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

¹ Муравьев Николай Константинович (1870–1936) – выдающийся русский адвокат, лидер общероссийского движения политических защитников «Молодая адвокатура», составитель духовного завещания Л. Н. Толстого, председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

² Муравьев Н. К. Краткий очерк возникновения и деятельности Общества К[расного] К[реста] для помощи политзаключенным в России (Политический К[расный] К[рест]). (Записка, составленная для Комитета Международного Красного Креста председателем Московского Комитета Общества Политического К[расного] К[реста]) // Отечественная история. № 4. 1995. С. 161.

³ Блок А. А. Дневник. М., 1989. С. 231.

⁴ Цит. по: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906–1917. М., 1996. С. 316–317.

нистром юстиции и генерал-прокурором был назначен популярный политический деятель, присяжный поверенный А. Ф. Керенский. Утром 3 марта, он сообщил по телефону корифею отечественной адвокатуры Н. П. Карабчевскому⁵: «Сегодня в ночь сформировано Временное правительство. Я взял портфель министра юстиции»⁶, и попросил его оказать помощь при подборе состава министерства и Сената: «Не можете ли Вы собрать Ваших товарищей по совету сегодня? Я хотел бы посоветоваться, чтобы наметить кандидатов», тем самым Керенский хотел «...поднять правосудие на недостижимую высоту!»⁷.

Таким образом, отечественная присяжная адвокатура стала кадровой базой министерства юстиции Временного правительства: А. Ф. Керенский, П. Н. Перверзев, А. С. Зарудный и П. Н. Малянтович – поочередно возглавляли это ведомство с марта по октябрь 1917 г., Н. К. Муравьев стал председателем Чрезвычайной следственной комиссии, А. А. Демьянов – директором 2-го Департамента, М. М. Винавер, Л. Н. Андроников, О. О. Грузенберг и Н. Д. Соколов – сенаторами. В провинции почти повсеместно на руководящие должности в органы юстиции пришли также представители адвокатской корпорации. Старшими председателями Судебных Палат стали: Одесской – председатель Могилевского окружного суда Н. П. Похомов; Саратовской – Н. Н. Мясоедов (одно время он был товарищем прокурора Саратовского окружного суда), Киевской – Д. Н. Григорович-Барский, Иркутской – С. С. Старынкевич, Московской – А. Ф. Стааль. Адвокат Н. Миролубов возглавил прокуратуру Казанского судебного округа, а присяжный поверенный О. Штрандман – прокуратуру Ревельского окружного суда⁸.

Революционная стихия дала широкий простор бурной деятельности и творчеству либеральной интеллигенции. В здании министерства юстиции с утра до позднего вечера заседали многочисленные комиссии и подкомиссии. Состав этих комиссий был разнообразен: это и вновь испеченные сенаторы из адвокатской среды, и бывшие прежде в опале либеральные судебные деятели и профессора-юристы, и вновь назначенные прокуроры, председатели Палат и окружных судов, а также некоторые чиновники бывшего министерства, зарекомендовавшие себя лояльно по отношению к новой власти.

В первые дни руководством министерством юстиции Керенскому приходилось одновременно решать множество важнейших вопросов: наведение порядка в столице, замена старого чиновничьего аппарата, образование новых судебных учреждений, отмена устаревших и противоречащих «революционному правосознанию» законов, расследование деятельности высших царских сановников и мн. др. Выступая 7 марта 1917 года в Москве перед представителями судебных органов и прокуратуры А. Ф. Керенский сформулировал своеобразное кредо работы нового министерства юстиции: «Свободная Россия родилась и вместе с нею на-

⁵ Авторитет адвокатского сословия и председателя ее столичного Совета были настолько высоки, что вновь назначенные министры юстиции Временного правительства, которых оно неизменно черпало из среды адвокатуры, «считали своим долгом, – вспоминал Н. К. Муравьев, – явиться с визитом к председателю Петроградского совета присяжных поверенных Н. П. Карабчевскому...» (*Муравьев Н. К. Автобиографическая заметка. Ч. 2. // «Стой в завете своем...». Николай Константинович Муравьев: Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М., 2004. С. 107*).

⁶ *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. В 2-х ч. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 118.

⁷ Там же. С. 118.

⁸ См.: *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Указ. соч. С. 239.

чала справедливости, законности и свободы судейской совести. Старый порядок низвергнут навеки и безвозвратно. Надо приступить к устройству новой жизни»⁹.

В этот же день министр сделал важное заявление о том, что «...все действия старой власти будут расследованы организованной Верховной следственной комиссией, которая откроет перед страной полную картину старой власти»¹⁰. Развивая свои мысли о перспективах следствия над высшими чиновниками царского режима, Керенский особо подчеркнул соблюдение правовых норм: «...я не отступлю от своих принципов, базирующихся на вере в человека, – патетично подчеркнул он. – Основной принцип мой – суд присяжных. Дело бывших министров также будет передано этому суду»¹¹. Пожалуй, наиболее точно Керенский поделился своими мыслями по поводу предстоящей работы комиссии, в ответе на вопрос С. В. Завадского: «...ждет ли он <...> строго судейского отношения к делу, или чего-нибудь иного?», министр юстиции просто и, как показалось сенатору, искренно сказал, что «...желает только раскрытия правды»¹².

Учреждение Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц (далее – ЧСК) явилось одним из важнейших нововведений Временного правительства. После завершения своей работы комиссия должна была представить «Акты окончательного расследования со своим письменным заключением о дальнейшем направлении дела генерал-прокурору для доклада Временному правительству», следственные материалы для предания царских чиновников суду, и доклад Учредительному собранию¹³.

Оценивая персональный состав комиссии один из ее подследственных К. Д. Кафафов отметил ее разнородный характер: «Я должен совершенно искренно признаться, что меня лично возмущало присутствие в этой комиссии не Муравьева, Соколова, Родичева и др. – это было так естественно, а вот присутствие там вчерашних наших сослуживцев: Завадского, Иванова и Смиттена и др., из которых Завадский оказался даже товарищем председателя, вот присутствие их глубоко возмущало душу, ведь они вызвались судить своих вчерашних сослуживцев и даже начальников, как, например, Щегловитова и Макарова, при которых и благодаря которым сделали свою блестящую служебную карьеру»¹⁴. Однако, по мнению Н. К. Муравьева, этими высокими назначениями из числа бывших влиятельных деятелей царской юстиции, новое правительство демонстрировало, во-первых, приоритет профессиональных качеств сотрудников, а, во-вторых, особую значимость и высокий статус комиссии¹⁵. В то же время это говорило и об определенной преемственности в работе следственных органов.

Раскрывая смысл того, в чем же должно заключаться «расследование противозаконных по должности действий», председатель комиссии Муравьев уточнял конкретную цель ЧСК – «...ликвидация старого режима»¹⁶. Правда, вкладывал

⁹ *Гражданин-Министр А. Ф. Керенский*. Речи, беседы, письма. М., 1917. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Там же.

¹² *Завадский С. В.* На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 16.

¹³ *Вестник*. 1917. 12/25 марта. № 7.

¹⁴ *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // ВИ. 2005. № 6. С. 88.

¹⁵ См.: *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 105–106.

¹⁶ *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии». Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.

он в эту фразу не столько политический, сколько правовой смысл. В данном случае, под «ликвидацией старого режима» он имел в виду изобличение и ликвидацию практики нарушения законов, превышения должностных полномочий, и др. преступлений высших должностных лиц Российской империи. Именно за эти «прегрешения» должны были «...судить представителей старого режима»¹⁷. На фоне разгула самосудов над бывшими царскими чиновниками Муравьев подчеркнул непреложное главенство закона: «Мы должны позаботиться о том, чтобы их мудро судили и мудро обвинили, если их вина подтвердится»¹⁸.

Материалы следствия содержали ценную и разностороннюю информацию для политических выводов, но цели ЧСК отражали, прежде всего, юридический характер ее деятельности. Возможно, велико было искушение у некоторых, наиболее радикальных, представителей новой власти судить поверженных сановников империи по революционным законам. Но, комиссии «Оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима <...>, – констатировал Муравьев, – это наиболее желательная и наиболее твердая точка зрения, потому что нужно помнить, что мы создаем и ставим процессы, которые не могут не иметь мирового значения с точки зрения комиссии, <...> было в высшей степени важно этих лиц старого режима ударить их же собственным оружием, поставить их в такое положение, чтобы они не могли сказать революционной демократии, что их судят за то, что не было запретным в их времена и что стало запретным только с того момента, как вы вышли на арену мировой истории»¹⁹.

Таким образом, позиция комиссии становилась неуязвимой именно с точки зрения адекватности и подсудности совершенных правонарушений действующему законодательству. Если бы демократическое правосудие оперировало, не существовавшими при самодержавии законами, тогда, апологеты царизма могли бы во всеуслышание обвинить Временное правительство, следственную комиссию, а затем и суд в том, что применяемые ими правовыми актами – это законы новой власти, в то время как подсудимые жили и работали при другом законодательстве, а значит, и не должны подпадать под юрисдикцию вновь принятых кодексов. Подчеркивая тем самым преемственность в соблюдении основополагающих принципов правосудия, заложенных Судебными Уставами.

В то же время, несмотря на то, что отлаженный механизм царской юстиции, скорректированный оперативными решениями Временного правительства, бесперебойно функционировал, идея его постепенного реформирования находила все больше сторонников. С инициативой создания специальной комиссии, которая занялась бы пересмотром Судебных Уставов, выступил товарищ министра юстиции А. С. Зарудный. Спустя полвека сын одного из «отцов» Судебной реформы С. И. Зарудного задался целью восстановить их в том виде, к которому стремились первые создатели законов.

25 марта 1917 г. Указом Временного правительства при министерстве юстиции была учреждена «Комиссия для восстановления основных положений Судебных Уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве»²⁰. Председателем комиссии стал А. Ф. Керенский, а его заместителем, и фактически руководителем комиссии, был назначен Зарудный. В состав комиссии вошли 60 наиболее известных юристов и общественных деятелей. Бы-

¹⁷ Муравьев Н. К. «О работе Чрезвычайной следственной комиссии». Ч. 2. С. 105–106.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Вестник Временного правительства. 1917. № 50/96.

ли созданы три подкомиссии: по судоустройству – под председательством товарища министра Г. Д. Скарятина, по уголовному судопроизводству – под председательством А. Ф. Кони и по гражданскому судопроизводству под председательством Я. Ф. Ганскау. Через несколько дней была создана еще одна подкомиссия – адвокатская, на которую был возложен пересмотр положений об адвокатуре. «В нашей адвокатской комиссии, – вспоминал ее председатель Муравьев, – было собрано все лучшее из тогдашней петроградской, московской и провинциальной адвокатуры»²¹.

Подкомиссией по судоустройству очень оперативно был подготовлен проект закона «О временном устройстве местного суда», который 4 мая 1917 г. был уже утвержден. Адвокатская подкомиссия успела выработать основополагающие принципы организации сословия и предложила в качестве одного из краеугольных положений деятельности то, что присяжная адвокатура должна быть полностью независимой, т.е. не подлежащей никакому надзору судебных мест, за исключением Сената. Но, к сожалению, грандиозная и важная работа, задуманная правоведами и политиками, не была доведена до конца. Как правильно заметил Демьянов: «Такая работа необходима и хороша для мирного времени, а мы жили в горячее время, когда нужны были быстрые изменения законов, несоответствующих времени»²².

Острый политический кризис, разразившийся в России в конце апреля 1917 года привел к созданию 5 мая первого коалиционного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым. В новом составе правительства А. Ф. Керенский получил портфель военного и морского министра, а его преемником на посту министра юстиции стал присяжный поверенный П. Н. Переверзев. Вступив в должность, министр произвел назначения на важные государственные должности: в мае – июне 1917 года прокурором Харьковской Судебной Палаты стал присяжный поверенный П. Д. Шидловский, Петроградской – присяжный поверенный Н. С. Каринский, а Омской – адвокат В. Колосов. Обер-прокурором 1-го департамента Правительствующего Сената был назначен присяжный поверенный Г. Старицкий. Таким образом, П. Н. Переверзев продолжил практику своего предшественника по расстановке на ключевых постах судебного ведомства лиц из близкого ему движения «молодая адвокатура». Правда, эта кадровая политика не всегда оправдывала себя, и новые руководители, подчас, не соответствовали занимаемым должностям, особенно в органах прокурорского надзора.

По отзывам коллег, в должности министра П. Н. Переверзев «...не обнаружил <...> ни настойчивости, ни последовательности, – отмечал С. В. Завадский, – его, как и Керенского, как и все Временное правительство, как, может быть, и большинство членов исполнительного комитета совета рабочих депутатов, несло, куда хотело, крайнее левое течение, становившееся сильнее и сильнее, но пока оставшееся по-прежнему подводным, хотя кое-где уже и поднимавшееся на поверхность»²³.

Отсюда, возможно, проистекал еще один его недостаток, бросавшийся в глаза коллегам – это его непоследовательность, которая особенно остро проявилась при обсуждении вопроса о временной отмене принципа несменяемости судей. Вопрос был поднят по инициативе товарища министра А. А. Демьянова, который хотел как можно быстрее избавиться от некоторых одиозных фигур старой юс-

²¹ *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 107.

²² *Демьянов А. А.* Моя служба при Временном Правительстве // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 4. С. 77.

²³ *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 35.

тиции: «...нельзя представить себе ничего худшего, – убеждал несогласных со своей позицией Демьянов, – как несправедливого судью, которого никто не может сместить. Дореволюционное время посадило в России множество худых судей, нам нужно избавиться от них»²⁴. Предлагаемый законопроект, таким образом, был направлен против нескольких, вполне определенных лиц судебного ведомства.

Некоторые юристы, в том числе и министр Переверзев были, поначалу, с ним согласны. Но, в ходе обсуждения этого вопроса на представительном совещании при министре юстиции многие весьма авторитетные участники совещания категорически возражали даже против самых малейших посягательств на судебскую независимость. Министр, чувствуя, что вопрос близок к провалу, встал на сторону защитников несменяемости судей и принял «Соломоново решение» – внес предложение об образовании специального дисциплинарного суда с участием присяжных заседателей, который, по его мнению, и должен будет рассматривать в каждом конкретном случае вопрос о смене того или иного судьи.

В аппарате министерства юстиции при П. Н. Переверзеве был подготовлен ряд важных законодательных актов, принятых Временным правительством, среди которых: «О дополнении действующих штатов судебных установлений», «О некоторых изменениях в учреждении Правительствующего Сената», «О судах по административным делам», «О допущении женщин к ведению чужих дел в судебных установлениях» и другие. Переверзев вошел в правительство с предложением о признании действительными гражданских браков русских эмигрантов, совершенных за границей. По его же инициативе был разработан и проект закона о введении в России института гражданских браков, однако Временное правительство отложило решение этого вопроса до созыва Учредительного собрания²⁵.

Вследствие разразившегося политического скандала из-за опубликования разоблачительных материалов о В. И. Ленине и большевиках, Переверзев вынужден был 6 июля 1917 г. уйти в отставку, и 24 июля министром юстиции был назначен А. С. Зарудный, который, вступая в должность, ссылаясь на остроту политического момента и тяжелое положение в стране, заявил: «...я считаю несвоевременным выступать с каким-либо программным заявлением <...> должна быть одна обязанность, одна программа действий, это – спасение отечества»²⁶.

Будучи министром, Зарудный отклонил предложение комиссаров Временного правительства о восстановлении существовавшего при самодержавии порядка наложения административных наказаний за неисполнение законных распоряжений, требований или постановлений властей. Вместе с тем в специальном циркуляре он потребовал от председателей съездов мировых судей «возможно скорейшего внеочередного» разрешения подобного рода дел.

При Зарудном состоялись некоторые важные назначения по судебному ведомству и прокуратуре. Была введена четвертая должность товарища министра, на которую был назначен директор 1-го департамента И. Д. Мордухай-Болтовский, и впервые «классную» должность – помощника секретаря Петроградской судебной палаты заняла женщина – Ю. М. Гудацкая-Финикова²⁷.

25 сентября было сформировано Третье коалиционное правительство, в котором пост министра юстиции занял выдающийся российский адвокат П. Н. Ма-

²⁴ Демьянов А. А. Указ. соч. С. 88.

²⁵ См.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Указ. соч. С. 279.

²⁶ РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2.

²⁷ См.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Указ. соч. С. 310–311.

лянтович. Он подходил для должности министра по всем параметрам: был профессионалом высоко уровня, деятелен и очень популярен в общественных кругах. Однако новый министр, как оказалось, был тесно связан с видными деятелями социал-демократов еще со времени политических процессов, а теперь «...его уносило на льдине, сильным течением к морю большевичества»²⁸ – образно и точно заметил С. В. Завадский. Это, во многом, объясняет позицию Малянтовича, когда он, по сути, выступил апологетом большевиков. Так же, как в свое время на судебных процессах над партийными функционерами, будучи уже министром, он продолжал считать, что «...большевизм есть политическое учение, <...> [и] как таковое не подлежит, как и всякое другое учение, какому бы то ни было преследованию со стороны власти»²⁹.

Работа в министерстве давалась П. Н. Малянтовичу с трудом. Он, по мнению Демьянова, «сразу пришелся не ко двору», а поэтому и не пользовался популярностью в Совете Министров. У него не было опыта аппаратной работы, что подмечали многие, и, в частности, управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков³⁰. Негативно отзывался о Малянтовиче, как руководителе ведомства российской юстиции, и бывший прокурор Петроградской Судебной Палаты Завадский, знавший его еще по Московскому университету. «Малянтович кланялся в левый угол, видимо, усиленное, чем его предместники при Временном правительстве <...> А эти земные поклоны, – подчеркивал Завадский, – конечно, не исправляли, но лишь повторяли ошибку большинства министров старого строя, усердствовавших кланяться в правый угол; двери в государственное будущее, если мои глаза меня не обманывали, были приблизительно посередине»³¹.

В октябре 1917 г. Временное правительство усиленно готовилось к созыву Учредительного Собрания. К этому времени уже было известно, что большевики готовят военный переворот. В целях предотвращения вооруженного восстания Керенский внес на рассмотрение правительства предложение об аресте идеолога и лидера заговора В. И. Ленина, а также ряда других видных деятелей большевистской партии. Для реализации этого решения министру юстиции Малянтовичу было поручено подготовить приказ об аресте группы заговорщиков. Но время было упущено, ситуация вышла из-под контроля Временного правительства. Государственная власть была фактически парализована, на местах царил анархия. 25 октября 1917 г. Временное правительство было низложено, а все министры арестованы.

Подводя итоги, следует отметить, что министерству юстиции, так же как и всему Временному правительству пришлось работать в острой и противоречивой революционной обстановке – на перекрестье многополярных общественных мнений и жестко противоборствующих политических сил. Если перефразировать выражение сенатора А. Ф. Кублицкого-Пиоттуха, применительно к той обстановке, следовало бы сказать, что министерство юстиции находилась между молотом революции и наковальней закона, пытаясь при этом сохранить и развить все то лучшее, что было накоплено в отечественной юстиции с момента принятия Судебных Уставов.

Обозревая судьбу Временного правительства и его учреждений, таких как министерство юстиции, а также, оценивая роль и значение в политической жизни

²⁸ Завадский С. В. Указ. соч. С. 37.

²⁹ Демьянов А. А. Указ. соч. С. 115.

³⁰ Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 1. С. 67.

³¹ Завадский С. В. Указ. соч. С. 37.

страны его ведущих сотрудников, приходим к выводу, что они, будучи высокообразованными интеллигентами, блестящими ораторами и публицистами, учеными и юристами, оказались в критический момент – на изломе эпох – слабыми политиками и администраторами. Характеризуя персональный состав первого в истории страны демократического правительства, и, при этом, абстрагируясь от их партийных пристрастий, следует согласиться с Г. З. Иоффе в том, что «...Временное правительство вобрало в себя цвет российского либерализма. Это были высокообразованные люди, имевшие опыт политической деятельности. Они были лично честными людьми, искренне стремившимися к созданию правового государства в России»³².

³² *Иоффе Г. З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 37.